

— «Плюнь на дьявола!» — вскричала Степанида Гавриловна, и при сихъ словахъ сама плюнула въ спорону.

— «Перекрестись, Пашенька!» сказалъ Аникимъ Аникьевичъ, и самъ перекрестился.

Паша то же перекрестилась съ сердечнымъ умиленіемъ; пошомъ, смиреніо сложивъ руки и успреминъ взоръ прямо предъ собою, продолжала начатый разсказъ: «Принадки эти дѣлались со мною рѣже, когда яъ съдующую послѣ того весну, мы поѣхали въ Ревель. Прелестныя мѣстоположенія, благоразгвorenный воздухъ, веселое общество, можешь быть и купанье въ морѣ, исия разсѣяли; и я возвратилась въ Петербургъ, совершенно выздоровѣвъ. Вскорѣ послѣ того я опправилась въ Екатеринбургъ, къ вамъ, любезные родители, и здѣсь до нынѣшняго вечера не чувствовала никакихъ признаковъ прежней болѣзни. Теперь только, кажется, какъ будто чувствую чи-то похожее на тогдашнее мое положеніе. Но надѣюсь, что это пройдетъ къ завтрашнему. Меня клонитъ сонъ; позвольте мнѣ по желанію вамъ покойной почти.»

Паша вспала со стула, поцѣловала руку у баптишки и у машушки, которые благословили ее, и отправилась въ свою компанию въ сопровожденіи встрѣвоженной матери.

Аникимъ Аникьевичъ въ глубокомъ раздумы оспался на диванѣ. Нѣсколько времени спустя послѣ того, вошла опять Гавриловна: «Проклятые журналы!» сказала она, входя въ компанию. «Если бы ты не говорила объ этомъ Маганизѣ или, какъ его зовутъ, то и Пашенька бы не занемогла...»

— «Полно брашились, Гавриловна!» отвѣчалъ съ мужемъ: у меня не то на умѣ! Какова Пашенька? —

— «Пашенька, слава Богу, заснула, только что легла въ постель; однако дай же мнѣ договорить.»

— «Такъ и памъ спать пора,» — прерваль ес Аникимъ Аникьевичъ. — «Номолись-ка Богу, да ложись!» —

Они пошли въ сналию. Степанида Гавриловна давно уже храпѣла, когда Аникимъ Аникьевичъ все еще сплющъ передъ кивошомъ и кладъ поклоны Пиколаю Чудотворцу.

ГЛАВА 2.

Аникимъ Аникьевичъ Федоринъ родился въ Москвѣ. Отецъ его — хозяинъ мѣлочной лавочки въ Нѣмецкой слободѣ, — по мѣрѣ возможности старался дать ему хорошее воспитаніе, и на восьмомъ еще году началъ посыпать его въ народное училище. Аникимъ былъ мальчикъ смѣшливый и прележкий, и потому въ чеченіе двухъ или трехъ лѣтъ научился всему, чemu въ то время можно было научиться въ народныхъ учи-

лицахъ; отъ читаль и писаль хорошо и зналь Ариемешику до пройшаго правила. Приномъ онъ былъ добронравенъ, проворенъ и дѣятелинь, и потому сдѣлался вѣсма полезнымъ опицу своему, который вѣбрѣль ему всю сченную часть по небольшой своей торговль. Замѣтили даже, что съ тѣхъ поръ, какъ пригожий, красивоющій Аникса (у котораго шелковыя кудри, въ кружокъ остриженныя, всегда были порядочно вычесаны, лицо и руки умыты, а синій кафтанъ не замаранъ ни пухомъ, ни саломъ) сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ этой лавочкѣ, число покупщиковъ значительно умножилось. Всѣ кухарки изъ сосѣдства брали соленые огурцы и квасъ охопить у него, чѣмъ у другихъ, а горничныя дѣвушки сахаръ и кофе, у него покупаемый, предпочитали всякому другому. Аникса, пакъ сказанъ, вошелъ въ моду; а когда въ послѣдніи мягкой пушю пробился на верхній губѣ его и глаза ярче начали свѣппиться, то число покупщицъ отъ того не уменьшилось: напротивъ послѣдняго многія изъ сосѣдственныхъ барынь гораздо чаще спали бранить своихъ дѣвушекъ за безпрепашное бѣганье въ лавочку. Барыни не подозрѣвали, что причиною всѣхъ сихъ домашнихъ беспорядковъ была нанѣ Аникса, котораго иногда нѣкоторыя начинали уже чеснить Аникимъ Аникьевичемъ.

По улицѣ, гдѣ была лавочка Аникима, часпо проходилъ одинъ разнощикъ, торговавший спарными книгами, и всякой разъ заходилъ въ эту лавочку. Аникимъ всегда былъ ему радъ, потому что разнощикъ позволялъ ему перелистывать книги, между тѣмъ какъ самъ, расположившись на скамье, лакомился кусочкомъ пасной икры или балыкомъ. Такимъ образомъ въ Аникимѣ возбудилась охота къ чтенію и отъ часпо съожалѣніемъ помышлять о томъ, какъ бы для него пріятно было, если бъ отецъ его, вмѣсто мѣлочной лавки, имѣлъ книжную. Отъ прозорливыхъ глазъ букиниса не скрылась сія охота Аникима и отъ разговорами своими еще болѣе возпаменила воображеніе молодаго лавочника, стараясь пересказать его къ себѣ въ поварици. Отецъ Аникима имѣлъ довольно хорошее состояніе, и букинису весьма выгоднымъ казалось найнинѣ Аникимъ не только дѣятелиного поварица, но и средшва къ разпросиранію небольшой своей торговли....

СТАНЦЫ.

Брошу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу лъ во многолюдныи храмъ,
Сижу лъ межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчались годы,
И сколько здѣсь ни видно насы,
Мы все сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чай нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу лѣ на дубъ уединенный,
Я мыслю: Патріархъ лѣсовъ
Переживелъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ ошцовъ.

Младенца лѣ милаго ласкаю,
Уже я думаю: проспи!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время шлѣшь, тебѣ цѣѣши.

День каждый, каждую годину
Пригыкъ я думой провождашь,
Грядущей смерти годовщину
Межъ ихъ сшаралась угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлеши судьбина?
Въ бою ли, къ спраншивамъ, въ волвахъ?
Или ссѣднія долина
Мой примѣшь охладѣлый прахъ?

И хощь безчувственному тѣлу
Равно повсюду изплѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хощѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будеши жизнь играшь,
И равнодушная природа
Красою вѣчноку сияшь.

A. Пушкинъ.

Э П И Г Р А М М А.

(Изъ Ж. Б. Руссо.)

Сбиралась въ путь глупецъ подъ позолотой
(Не знаю гдѣ, а за Руси ихъ пѣши),
Кричачъ, что онъ сто тысячъ дасть съ охотовъ
Съ шѣмъ, чтобы узнать вблизи людей и свѣшъ,
— «А изъ любви и изъ народной чесчи», —
Тушъ подхватилъ насмѣшилый нахаль:
«Могли бы мы придать къ нимъ тысячу двѣсти
Съ шѣмъ, чтобы свѣшъ васъ вовсе не узналъ.»

Кн. Вяземскій.

В В Е Д Е Н И Е

къ жизнеописанию Фонъ-Визина.

Испорія Липературы парода должна быть вмѣстѣ испорію и его общежитія. Только въ соединеніи съ нею, можетъ она имѣть для насъ нравственное достоинство и научительную занимательность. Если на Липературу, разсматриваемой вами, не отражаются движения, спрашива, мысли, самые предразсудки современного общества, если общество, предстоящее наблюдению вашему, чуждо вѣдѣнію и вліянію Липературы, то можетъ заключить безошибочно, что въ эпохѣ, изучаемой вами, пѣть Липературы испинной, живой, которая ю безъ причины названа выраженіемъ общества. Липература бываетъ двоякія: одна для народа то, что даръ слова для человѣка, высшая способность его послѣ способности чувствовать и мыслить; впрочемъ различать сіи способности не должно, ибо первая служитъ дополненіемъ и событіемъ другой. Вторую Липературу можно причислить къ искусствамъ изящнымъ, къ ваянію, къ живописи, къ музыке. Она въ разрядѣ вспомогательныхъ, уже избранныхъ способностей, коими умъ человѣческій выражаетъ мысль свою, коими пародъ образующійся знаетъ успѣхи свои на поприщѣ просвѣщенія и умственнаго усовершенствованія. Посреди безмолвія, одѣженія, царствующаго при отсутствіи первой изъ сихъ Липературы, возвысится иногда голосъ автора, который сильно подѣлаетъ на вниманіе общества, его окружающаго: общество отвѣтаетъ ему съ силою и быстротою попрѣсенія сочувствія; но сіе дѣйствіе случайно, скоропостижно и преходчиво: не имѣвъ предыдущаго, оно едва объемлетъ спѣшные предметы настоящаго и теряется вмѣстѣ съ минущимъ впечатлѣніемъ. Такъ искусный Ромбергъ всемогущесвіемъ игры своей порабощаетъ понятія и ощущенія общества, которое слушаетъ его, погруженное въ безмолвіе и вниманіе. Онъ будитъ въ душѣ и въ умѣ слушателей своихъ впечатлѣнія, ему покорныя. Въ раздраженіи сокровеннѣйшихъ ощущеній своихъ, слушатели сія сочувствуютъ, соопѣтствуютъ сладкозвучнымъ изящніямъ повелительного чародѣя: но сіе сочувствіе, сія ободрость въ ощущеніяхъ, въ сопрѣсніяхъ сокровенныхъ, были только мнѣмы или по крайней мѣрѣ не естественные, а искусственные. Пора баснословныхъ чудесъ Орфея миновала: ни горы не тронулись съ мѣста, ни львы, ни люди не преобразуются. Звуки утихли, раздраженный первы уравнялись и между Ромбергомъ и слушателями его уже пѣть никакого нравственного соопѣтствія. Между творениемъ замѣчательнымъ и народомъ, коего общество еще не юшово для Липер-